

П.С. Гуревич

МЫСЛЬ VS ЧУВСТВО

Аннотация. Многие авторы фиксируют сегодня разлад между мыслями и чувствами, которые присущи человеку наших дней. Отмечается, что англо-американская аналитическая философия и континентальная экзистенциальная философия предельно разобщены. Они, как говорится, играют на разных досках. Более того, мысль и чувство в современном сознании изо всех сил стараются освободиться друг от друга. Этот разлад мышления и эмоциональности заметен и в обыденном, житейском сознании. Чем вызвано это противостояние? Как воссоединить ум и эмоцию? Эти вопросы освещаются в статье.

Автор активно использует достижения аналитической философии и экзистенциального опыта. Он применяет также метод историзма, который позволяет показать динамику соотношения мысли и чувства в разные эпохи.

В статье содержится анализ разных концепций, связанных с проблемой соотношения мысли и чувства. Дана критическая оценка проектам, которые не учитывают достижений аналитической психологии. Решение проблемы состоит в преодолении двух крайностей. Безусловно, во-первых, наметившийся разлад между мыслью и чувством нуждается в том, чтобы преодолеть его. Однако, во-вторых, отвлечённые рассуждения о сентиментальном воспитании не учитывают сложности, присущие человеческой психике. В статье проводится мысль о том, что не все способности конкретного человека могут получить безоговорочное развитие.

Ключевые слова: философская антропология, мышление, чувство, рациональность, поступки, философствование, страдание, умонастроение, зависть, скорбь.

Что появилось раньше – мысль или чувство? Философские антропологи считают, что эмоциональная жизнь, разумеется, предшествует мышлению. Недаром подчёркивается, что животные и люди сходны в обнаружении своих чувств. «Все страсти у нас, – писал Ф. Ницше, – общие с животными...» [1, с. 240].

Теперь поставим вопрос: что для человека более ценно – мысль или эмоция? Пожалуй, такая постановка вопроса вообще не правомочна. Антропологическая природа человека была бы неполной, если бы он не обладал разумом или, к примеру, не испытывал бы никаких эмоций. Благодаря мышлению, человечество обрело науку и философию. Способность к эмоциональным переживаниям вызвало к жизни искусство, религию.

Европейское человечество больше всего заботится о рациональности человека. В своё время «Литературная газета» даже вела дискуссию на тему: «Хорошо ли мы мыслим?». Понятно, что не меньшее значение могло бы приобрести обсуждение вопроса «Не оскудели ли наши чувства?». Но можно ли полагать, что мысли и чувства людей в идеале должны нести в себе некую гармонию? На самом деле это не так, хотя бы потому, что человеческий мозг имеет два полушария: правое «за-

ведует» мыслительной деятельностью человека, левое – эмоциями и фантазией. Оба полушария развиваются по-разному и совсем не находятся в состоянии равновесности. Часто употребляется такое словосочетание «однополушарное мышление». Смысл этого выражения состоит в том, что порой неплохо развитое мышление конкретного человека свободно от эмоций.

Но как развить мыслительные или эмоциональные ресурсы? Решение этой проблемы вовсе не лежит в сфере благопожеланий или воспитания. Здесь вступает в силу психология. Известный современный исследователь М.Н. Эпштейн, размышляя о философии, хотел бы привить ей росток эмоциональности. Он ставит вопрос: «Как философия воздействует на чувства и поступки человека и как сами чувства и поступки – а не только мысли – приобретают философский характер?» [2, с. 177].

Действительно, философские идеи оказывают воздействие не только на интеллектуальную сферу человека. Они обогащают эмоциональный мир людей и влияют на человеческие поступки. М.Н. Эпштейну кажется, что философия неправомерно отгорожена от чувств, и он намерен исправить эту несправедливость. В связи с этим возникает вопрос: почему нет речи о философских

чувствах, эмоциях, переживаниях? Автор предлагает оросить эмоциями сферу философских мыслей. Но мысль сама по себе не возникает изолированно. Она может быть подсказана интуитивным наитием, эмоциональным переживанием или жизненным событием. Русский философ Николай Фёдорович Федоров, вероятно, никогда не написал бы свою книгу «Философия общего дела», если бы не был пронзён мыслью о бренности человеческого существования. Так родилась его философская идея о воскрешении всех людей, живших на Земле.

Несостоявшийся брак Ф. Ницше с Лу Саломе во многом повлиял на психологический мир философа и даже наложил отпечаток на характер его философствования. Свойственные его творчеству мизантропичность, компульсивность, нигилизм можно рассматривать как результат этой любовной драмы. Паскаль не стал бы предтечей экзистенциального мышления, если бы не пропустил в своё сознание невероятные практические следствия предъявленных эпохой научных открытий.

В свою очередь и деятели искусства ищут аналогии своей активности в рациональной сфере. Моцарт в трагедии А.С. Пушкина сообщает Сальери, что наемники ему пришли в голову две-три мысли, хотя он имеет в виду озарение в музыке.

Однако у М.Н. Эпштейна речь идёт об ином. Он хотел бы оконтурить некую новую область гуманитарного знания – лирическую философию. Автор книги сетует на то, что ни в одном словарном определении философии – а их десятки и сотни – нет упоминания о философских чувствах, эмоциях, переживаниях. В англоязычном Интернете словосочетание «философская мысль» встречается в сто раз чаще, чем словосочетание «философское чувство» – соответственно 651 000 и 5600, а в Рунете – в пятьдесят раз, 332 000 и 6 500 [2, с. 178]. Странно, что М.Н. Эпштейн поражён этой статистикой. Вероятно, в словарях, отражающих жизнь искусства, тоже чаще говорят об эмоциях, чем о философских мыслях. Как говорится, кесарю кесарево... Огромная диспропорция рациональных и эмоциональных составляющих философии в общепринятых воззрениях на её природу действительно существует и она правомочна. Было бы странно, если бы в учебнике по зоологии слово «человек» упоминалось бы столь же часто, как и слово «животное».

Но если мы хотим изменить эту пропорцию, то с чего начнём? М.Н. Эпштейн начинает с утверждения, что можно выделить такие чувства, которые обращены к миру в целом, к законам бытия, к природе человека и благодаря своей универсальности поднимаются до ранга философских. Интересно, по какому принципу можно

провести это различие? Любое эмоциональное состояние человека может быть мелким, обыденным, канительным. Но оно же способно нести в себе глубокий философский смысл. М.Н. Эпштейн выделяет такие философские чувства, как любовь, ненависть, зависть. Про любовь вообще сказано, что это не только чувство, но и мудрость, не только мысль, а скорее мыслечувствие.

Всё это предельно спорно. Чувства сами по себе, изначально не содержат в себе философского смысла. Озорное стихотворение Роберта Бёрнса «Ты свисти – тебя не заставлю я ждать...», конечно, о любви, но особого метафизического смысла в нём не отыскать. А вот стихотворение «Я помню чудное мгновенье» философично, поскольку утверждает ценность жизни, в которой есть «и божество, и вдохновенье, и жизнь и слёзы и любовь».

М.Н. Эпштейн пишет: «В пушкинской трагедии Сальери испытывает к Моцарту не житейскую, но философскую зависть: зависть алгебры к гармонии, чувство величайшей несправедливости, доходящей до философского негодования» [2, с. 179]. Но в том-то и дело, что Сальери испытывает к Моцарту именно житейскую зависть. Разве он сомневается в том, что Моцарт – гений? Разве он действительно считает, что тот праздный гуляка? Зависть оказалась философской благодаря Пушкину. Это он поднял мелкую, бездоказательную зависть до высот философского прозрения. Он придал конфликту трагический смысл, иначе всё выглядело бы как злобная ссора возле нотного стана.

Философскими, по мнению М.Н. Эпштейна, могут быть и боль, и скорбь, если они направлены на всё человечество. Между тем, скажем, сонет Шекспира «Когда на суд безмолвных, старых дум...», который передаёт боль одного человека, переживающего утрату любимой, носит явный философский смысл, хотя никакой направленности на человечество здесь не просматривается. Монолог Бориса Годунова «Достиг я высшей власти...» отражает чувства царя, роптания его совести. Но трагедия власти передана здесь на высочайшем метафизическом уровне.

М.Н. Эпштейн, безусловно, прав, когда он утверждает, что «...любое чувство, достигающее универсальности, может стать философским. Вообще философски значимая граница проходит не между мыслями и чувствами, а между житейскими, эмпирическими – и бытийными, мирообъемлющими мыслями и чувствами» [2, с. 181].

Желание восстановить в правах эмоциональную жизнь человека имеет свои традиции. Автор отводит эмоциональной жизни людей весомую роль. Он, в частности, доказывает эту мысль на

примере философии. По мнению М.Н. Эпштейна, рационалистическая деятельность философа невозможна без эмоций. С этой идеей, скажем по справедливости, уважаемый автор во многом опоздал. Дело в том, что когда Юнг выстраивал типологию людей, он обращался к философским текстам. Иначе говоря, следуя за тем, что написано тем или иным Любомудром, он относит такого мыслителя к конкретному человеческому типу.

Следовательно, не философский текст делает того или иного автора мыслительным, эмоциональным или интуитивным, а, наоборот, конкретная типажность накладывает отпечаток на стиль изложения, на отношение к жизни того или иного философа. М.Н. Эпштейн пишет: «У философски чувствительного человека отношение к миру превращается в эмоциональную драму» [2, с. 181]. Его мучают, радуют, потрясают не отдельные явления, а мироздание в целом. ««Екклезиаст» – книга философических чувств и переживаний. “И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё суета и томление духа!” (Еккл. 2:17)» [2, с. 181].

Эти размышления М.Н. Эпштейна не вполне оправданы. Автор «Екклезиаста» мог бы быть отнесен К.Г. Юнгом к эмоциональному типу. Поэтому как философ он в первую очередь не рассудочен. И суть дела здесь не в философской чувствительности, а в психологической типажности. Для такого человека мысль всегда будет окрашена эмоцией или даже подчинена ей. Комментируя приведённую цитату, М.Н. Эпштейн спрашивает: «Это мысль или чувство? Очевидно, чувство, коль скоро оно выражается словами “возненавидел”, “противны стали”. Но предметом этого чувства являются не отдельные лица и события, а “жизнь” как таковая и “все дела, которые делаются под солнцем”. И разрешается это чувство обобщающей мыслью: “Всё суета и томление духа!”. Мысль и чувство переходят друг в друга, поэтому можно говорить о философском *умо-настроении* или философском *мыслечувствии*» [2, с. 181].

И опять-таки здесь не обойтись без уточнений. Экспертиза текста не может основываться только на словах. У мыслителей рассудочного типа можно отыскать и чувствительные слова. Они пытаются понять то, что не связано с их собственным эмоциональным опытом. Кант и Шопенгауэр, будучи мыслительными типами, написали немало строк о любви, дружбе, предательстве или искусстве. Но дело не в словах, а в явленном переживании. Читая, допустим, размышления Шопенгауэра о любви, можно догадаться, что сам он никогда не испытывал этого чувства.

В обычной жизни каждый человек, в том числе и философ, в первую очередь опирается на свою ведущую функцию. Она, согласно Юнгу, является наиболее дифференцированной и потому обнаруживает себя в первую очередь. Но для оптимальной психологической жизни важно привлечь также и другие, так называемые побочные функции. Философствующий индивид может резервировать интуицию и даже собственную эмоциональность. В противном случае, не обогащая свой психологический опыт эмоционально или интуитивно, он сам оказывается в ледяном мире идей и чугунного расчёта. Так порой весьма вдумчивый философ увязает в собственных умствованиях. Это легко подтверждается и философскими текстами.

Теперь другой вопрос: как определить, присутствует ли философичность в том или ином эмоциональном тексте? По мнению М.Н. Эпштейна, чувствительный философ адресуется к человечеству. «Точно так же обида на грубого, надоедливого соседа не входит в диапазон философских чувств, а горечь от несовершенства мироздания – входит» [2, с. 181]. Снова принимается в расчёт формальный признак. Человек, который находится рядом и ужасно раздражает, скорее всего демонстрирует обычную жизненную канитель. Но Сальери у Пушкина тоже мелочно раздражителен. Он, к примеру, прогоняет нищего скрипача, которого Моцарт привёл, чтобы удивить Сальери. Однако в этом случае раздражительность переживается и осмысливается в контексте глубочайшей философии. В словах Сальери, с одной стороны, докучливых и бранных, происходит возгонка к философскому отвержению пошлости:

*«Мне не смешно, когда маляр презренный,
Мне пачкает Мадонну Рафаэля».*

Но вот иной случай. Сергей Есенин не обращается к человечеству, не толкует о несовершенстве мира. Он лишь сетует, что его молодость ушла. Его сообщение читателю кажется банальным: «Вечером синим, вечером лунным / Был я когда-то красивым и юным». Подумаешь, удивил. Все мы стареем. Но эта горечь поддерживается такой тонкой аранжировкой чувств, что и простенькая мысль: «Все мы, все мы в этом мире тленны», «цепляет» уже как философская, поскольку подкрепляется неоспоримостью переживания.

Целостность личности обеспечивается тем, что в каждом человеке есть эти четыре дара – мысль, чувство, ощущение и интуиция. Дело только в том, что именно развитость или неразвитость этих функций характеризует уникальность, необычность данного человека. Сами по себе эти «дары» равноценны. Поэтому не прав М.Н. Эпштейн, ут-

верждая, что «чувство более сопряжено с целостной личностью и завладевает ею более бытийно и событийно, чем отвлечённая мысль» [2, с. 182].

В идеале, повторим ещё раз, философская идея должна поверяться не только мыслью, но также чувством и интуицией. (Роль ощущения в создании философии здесь не рассматривается.) Но даже самый крупный философ в силу своей антропологической типичности не может «реконструировать» эту целостность. «Философия, которая ограничивается только мыслями, суждениями, силлогизмами, анализом понятий, не доходит до уровня мудрости, т.е. не выполняет своего дисциплинарного предназначения» [2, с. 182], – отмечает М.Н. Эпштейн. Эта мысль не вызывает сомнений.

Однако можно привести примеры, когда мыслителю-интуитиву недостаёт обычной логичности, а эмоциональному философу трудно понять, как будет выглядеть его идея, если представить её в не сиюминутной перспективе. Русский философ Н.Ф. Фёдоров, судя по всему, по жизни был человеком обострённой эмоциональности. Ему пришла в голову идея, которую Н.А. Бердяев оценил как подвижническую. Человечество, по мнению Н.Ф. Фёдорова, должно сделать смыслом своей жизни воскрешение всех людей, когда-либо живших на Земле. Идея эта толкуется в разных аспектах и при этом буквально завораживает своей эмоциональностью. Однако русский философ как человек обладал, надо полагать, плохо дифференцированной интуицией. Он даже не задумался над тем, а что произойдёт, если вдруг эта затея воплотится. Поэтому многие современники просто высмеяли восхитительный проект. На Земле и так людно,

а тут ещё прибавится солидный контингент. Да и как будут общаться живые и «мёртвые», если они жили в разные эпохи и в разных культурах. И ещё: бессмертие может оказаться проклятием. Ведь Н.Ф. Фёдоров толкует о воскрешении не только духа, но и тела. Но обрадуется ли вечному воскрешению старый или уродливый человек? Ему придётся нести эту телесность через нескончаемые века. И это благодать?

Интуитив Ф. Ницше оставил человечеству множество нетривиальных мыслей. Он в наши дни обрёл неслыханную популярность. Его захватывающая идея о сверхчеловеке поражает размахом, но логические связи в ней отсутствуют. Сначала немецкий философ обнажает порочность и низменность человека. А затем устами Заратустры призывает его стать качественно и ценностно совершенно иным. Логическая нестыковка здесь в том, что реализацию проекта сверхчеловека Ницше поручает той самой жестокой обезьяне, которую он ославил.

М.Н. Эпштейн считает, что многие великие философы открыты философским чувствам и страстям. Да, это так. Но открыты они по-разному. Скажем, мыслительному типу Канту трудно, согласно юнгианской типологии, и незачем дифференцировать свою эмоциональную функцию. Но дифференцирование интуиции мыслительному типу не противопоставлено. Нет слов, мысли сами по себе способны обогащать область чувств. Эмоции же в свою очередь могут придать действенность мыслям. Но нужно ли философам, как рекомендует М.Н. Эпштейн, пройти курс сентиментального воспитания, – идея сомнительная, хотя и увлекательная.

Список литературы:

1. Ницше Ф. Мысли о моральных предрассудках. Свердловск: Воля, 1991. 303 с.
2. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменить мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
3. Махлин В.Л. Большое время: Подступы к мышлению М.М. Бахтина. Siedlce: Uniwersytetu przyrodniczo-humanistycznego, 2015. 174 с.
4. Ольшанский Д. Сцены сексуальной жизни. Психоанализ и семиотика театра и кино. СПб.: Алетейя, 2016. 384 с.
5. Померанц Г., Миркина З. Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи нулевых годов). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 504 с.
6. Юнг К.Г. Психологические типы / Пер. с нем. С. Лорие. СПб.: Азбука, 2001. 732 с.